

9(477)

П-124

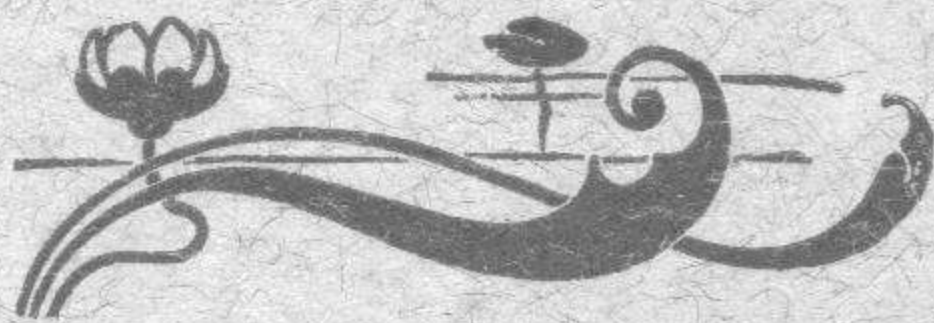
Л. Ф. Павловскій.

О мнимой агитаціи

въ южной Руси и объявленіе важныхъ тайнъ

(въ первой половинѣ XIX ст.).

Оттискъ изъ выпуска 9-го Трудовъ Полтавской Ученой
Архивной Комиссии.



ПОЛТАВА.

Электр. Типогр. Г. И. Маркевича, Бульваръ Котляревскаго.

1912 г.

11000
26000

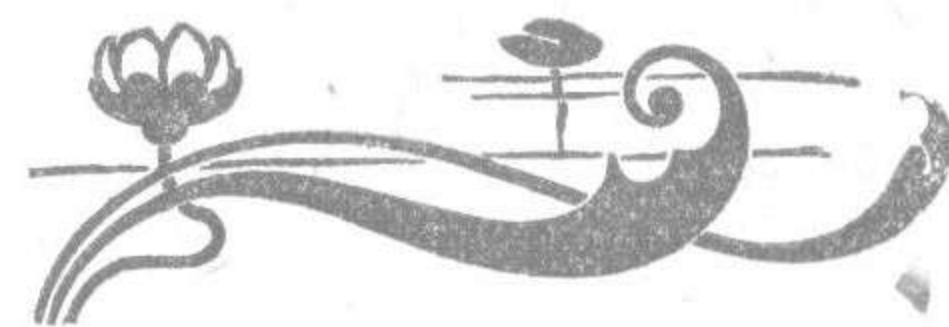
О мнимои агитаціи

въ южной Руси и объявленіе важныхъ тайкъ

(въ первой половинѣ XIX ст.).

1853
13442-4
11095
26000

Оттискъ изъ выпуска 9-го Трудовъ Полтавской Ученой
Архивной Комисси.



nr 1959

ПОЛТАВА.

Электрическая типографія Г. И. Марковича Манскій рядъ.

1912 г.

кн - 54

947.7
П-124

И. Ф. Павловскій.

О мнимои агитаціи

въ южной Руси и объявленіе важныхъ тайнъ

(въ первой половинѣ XIX ст.).

453
13442-4
11095
26000

Оттискъ изъ выпуска 9-го Трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссии.



кн 1959

ПОЛТАВА.

Электрическая типографія Г. И. Маркевича Манскій рядъ.

1912 г.

© *мнимой агитаціи въ южной Руси и объявленіе важныхъ тайнъ.*

(въ первой половинѣ XIX ст.).

Слѣдствіемъ первой французской революціи было проявленіе революціонныхъ движеній во многихъ государствахъ западной Европы. Этими движеніями полна исторія запада въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Естественно, что при такомъ положеніи западныхъ государствъ, русское правительство было озабочено недопущеніемъ агитаторовъ въ предѣлы государства. Иностранная агитація касалась, главнымъ образомъ, южной Россіи, куда, особенно, послѣ окончанія польскаго возстанія, она стремилась въ виду того, что въ южной Руси не мало было поляковъ. Всѣ свѣдѣнія о стремленіяхъ этихъ агитаторовъ правительство сообщало мѣстной администраціи съ предписаніемъ установить за ними бдительный надзоръ. Это сообщалось, конечно, секретно, но тѣмъ не менѣе и въ общество проникали тѣ или иныя свѣдѣнія о нихъ, что узнавалось отъ низшихъ органовъ управленія, какъ то: исправниковъ, становыхъ приставовъ и т. п. И среди общества находилось въ то время не мало лицъ, считавшихъ своимъ долгомъ идти на встрѣчу администраціи и помогать ей въ преслѣдованіи этихъ агитаторовъ. Этимъ отличались отставные военные, проживавшіе въ своихъ помѣстьяхъ; ихъ было много, особенно въ полтавской губерніи. Надо сказать, что въ первую половину прошлаго вѣка, военная служба особенно была излюбленной среди дворянства. Прослуживши въ военной службѣ нѣкоторое время, дворяне возвращались въ свои помѣстья, гдѣ не мало ихъ служило по выборамъ, а въ то время было и не мало должностей, занимаемыхъ исключительно дворянами, какъ то мѣста исправниковъ, уѣздныхъ судей, засѣдателей и т. п. Не всегда это дѣлалось изъ чувства патріотизма, бывали примѣры, что лица эти дѣлали изъ корыстныхъ видовъ, изъ за желанія получить награду.

Въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка въ Роменскомъ уѣздѣ проживала помѣщица Валежникова, пріобрѣвшая печальную извѣстность сво-

имъ жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами. Эти притѣсненія обратили вниманіе уѣзднаго предводителя дворянства, убѣждавшаго ее обращаться кротко со своими крестьянами. Но эти убѣжденія были напрасны. Уѣздный исправникъ, выборное лицо изъ дворянскаго сословія, въ интересѣ котораго было не обнаруживать таковыя дѣянія дворянъ, такъ какъ могъ лишиться мѣста на будущихъ выборахъ и тотъ доносилъ, что эта помѣщица управляетъ имѣніемъ „не какъ хозяйка и благодѣтельница крестьянъ, но какъ сумасбродная женщина, потерявшая давно истинную совѣсть“. Надъ ней былъ установленный надзоръ, а затѣмъ, впоследствии, имѣніе ея было взято въ опеку и она была выселена изъ него. Надзоромъ она очень тяготилась и въ 1833 г. отправляетъ шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу доносъ, гдѣ сообщаетъ о существованіи въ Малороссіи масонскихъ обществъ и о стремленіи малороссіянъ соединиться съ Польшей. Ея доносъ произвелъ впечатлѣніе, на него обратили вниманіе; надо сказать, что это было спустя 10 лѣтъ послѣ закрытія масонскихъ ложъ въ Россіи. Валевникову вызвали въ Петербургъ, продержали ее нѣкоторое время и отправили на родину, подъ надзоръ полиціи. Она продолжала все таки угнетать своихъ крестьянъ.

Нодовольная кѣмъ либо изъ крестьянъ своихъ, она имѣла обыкновение отправлять ихъ въ повѣтовый судъ съ просьбою ихъ наказать, но не «такъ, писала она въ прошеніи, какъ вчера былъ посланъ человѣкъ для наказанія, но его вовсе не наказывали, ибо когда я послала дворовыхъ крестьянъ на онаго посмотрѣть, на побои, дабы другіе боялись, какъ судъ наказалъ, то знаку на тѣлѣ ничего нѣтъ, крестьяне смѣялись и говорили, что судъ—наша сторона и я такъ понимаю, что оставшіеся въ 1826 году бунтовщики недовѣшаны; вѣрно въ нашемъ повѣтѣ есть, которыя бунтуютъ крестьянъ и покорнѣйше прошу судъ дать мнѣ законную защиту». Несомнѣнно, что эта помѣщица едва ли и имѣла какое либо представленіе о масонахъ и декабристахъ. Но у этой, повидимому, благонамѣренной, помѣщицы оказался «экземпляръ «воззванія къ сынамъ Россіи «выдуманнаго поляками во время мятежа ихъ». Это было вскорѣ по усмиреніи польскаго мятежа. У ней былъ произведенъ обыскъ. Нашли копію этого воззванія, ею списанную, а также и фамиліи тѣхъ лицъ, которымъ она показывала и чита-

ла это воззваніе ¹⁾. Въ числѣ этихъ лицъ оказался и отставной капитанъ артиллеріи Бѣловодскій, хорошій ея знакомый и часто ее навѣщавшій. Капитанъ снялъ нѣсколько копій и отпривилъ ихъ Государю Императору, Великому князю Михаилу Павловичу и ше-ффу жандармовъ, графу Бенкендорфу. Результатомъ этого былъ обыскъ и арестъ капитана. Въ то время было въ обычаѣ аресто-вывать и доносчика. Капитана вмѣстѣ съ найденными у него бу-магаму, отпривили въ Полтаву, къ князю Н. Г. Репнину, зани-мавшему тогда постъ малороссійскаго генераль-губернатора, гдѣ его арестовали и послѣ пятинедѣльнаго заключенія, отпустили до-мой.

Арестъ и заключеніе произвели тяжелое впечатлѣніе на капи-тана. Желалъ онъ прійти на помощь правительству, указавъ на происки враговъ и въ результатѣ обыскъ, арестъ и заключеніе. «Бывъ въ заключеніи подъ стражею ординарцевъ и вѣстовыхъ въ смрадной комнатѣ, писалъ онъ князю Репнину, запиравшейся на ночь замкомъ, я едва могъ переносить то мое заключеніе—однимъ только твердымъ упованіемъ на промысль Всевышняго и Правосу-діе Всеавгустѣйшаго Монарха.

Капитанъ Бѣловодскій не могъ забыть своего заключенія. И за что же?.. За то, что онъ донесъ о возмутительномъ воззваніи.» Онъ считалъ необходимымъ реабилитировать въ глазахъ общества свою личность а для этого считалъ единственнымъ средствомъ получить награду. И это не первый случай въ ту эпоху, когда доносчики просили о наградѣ—черта очень интересная для харак-теристики людей того времени. Вотъ интересное разсужденіе ка-питана по этому поводу. Онъ пишетъ длиннѣйшее прошеніе гене-раль—губернатору, графу Левашову, преемнику князя Репнина.

«Августѣйшій Монархъ, почитая первымъ благомъ поддан-ныхъ своихъ Правосудіе, Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ къ Ма-лороссіи, вручилъ вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, власть да уразу-мѣетъ народъ десницу благости, исполняя законы Его. Ничто изъ гражданскихъ добродѣтелей не можетъ столько поражать сер-дце чловѣка и возвышать душу и самыхъ народовъ, какъ право-судіе тѣмъ разительнѣйшее, когда оно касается предмета, самого по себѣ, гласу Божію и закону—Великаго. По долгу и случаю: умереть за отечество, великодушнымъ быть къ врагамъ. милосерд-

¹⁾ Арх. Полт. Губ. Правл. 1835, № 35.

ствовать обидившимъ—суть добродѣтели высокія: но самостоятельность правосудія, изливаетъ свѣтъ, какъ лучезарное солнце, къ истинному просвѣщенію и благоденствію народовъ и научаетъ болѣе всего слѣдовать словамъ Господнимъ: «ходить въ путяхъ истины». Послѣ этого разсужденія, капитанъ, касается ареста своего: «Достигая сего столь важнаго пути различными испытаніями многіе годы: самымъ не вольнымъ образомъ коснулось ко мнѣ дѣло государственное, о коемъ изъ подносимой при семъ записки и самого дѣла у предмѣстника Вашего, Сіятеельнѣйшій Графъ, благоусмотрѣлъ изволите, что я претерпѣлъ безвинно и напрасно истязаніе и поношеніе чести и званія моего и пострадалъ въ безвыходномъ заключеніи пять недѣль за донесенія мои объ оказавшемся въ Малороссіи печатномъ возмутительномъ воззваніи и описавъ съ худой стороны за то, что изъ 32 лицъ знавшихъ о томъ воззваніи, донесъ я одинъ!...

Со всѣмъ усердіемъ моимъ вѣрности и преданности къ Государю Императору доносилъ я о томъ важномъ дѣлѣ государственномъ: почему къ отличію меня изъ тѣхъ 32 лицъ и къ покрытію претерпѣнныхъ мною безвинно и напрасно истязанія и поношенія, съ убытками моими при бѣдномъ состояніи сопряженныхъ просилъ я представить Государю Императору и о пожалованій мнѣ Высочайшей награды, которая одна можетъ оправдать меня въ глазахъ всѣхъ знающихъ о томъ и послужить примѣромъ безбоязненному впредь донесенію въ подобныхъ случаяхъ, но до нынѣ и за неизвѣстнымъ мнѣ окончаніемъ того дѣла, кромѣ дозволенія отлучки моей. куда пожелаю, не имѣю я ниже свѣдѣнія о той просимой наградѣ и не возвращены мнѣ, удержанные и въ роспискѣ моей 1833 года 10-го Мая поименованныя бумаги мои, кои, сохраняясь въ потомствѣ моемъ, всегда были оному чистымъ свѣтильникомъ примѣра усердной вѣрности и преданности къ Государю Императору и Отечеству».

Графъ Левашовъ отказался, конечно, представить его къ наградѣ, но предоставилъ самому Бѣловодскому ходатайствовать передъ шефомъ жандармовъ о награжденіи, не безъ проніи замѣтивъ «если на это имѣетъ право»¹⁾.

Правительство особенно было озабоченно о недопущеніи агитаторовъ во время венгерскаго возстанія. Оно опасалось, что они могутъ повліять на крѣпостныхъ крестьянъ, среди которыхъ въ первую

¹⁾ Арх. Полт. Губ. правл. 1836. № 29.

половину прошлаго вѣка, бывали броженія, чему причиною было само крѣпостное право.

Шефъ жандармовъ, графъ Орловъ увѣдомилъ 18 Октября 1848 года генераль—губернатора С. А. Кокошкина, что одинъ изъ польскихъ выходцевъ, прибывъ въ Галицію, сообщилъ, что скоро настанетъ время, когда возможно будетъ приступить къ исполненію плана, выработаннаго въ Парижѣ съ цѣлью ниспровергнуть русское правительство. При этомъ, графъ Орловъ сообщилъ, что вскорѣ отправляется въ Украину съ цѣлью пропаганды Елеонора Рагозинская. Императоръ Николай I, повелѣлъ обратить особенное вниманіе и установить бдительнѣйшее наблюденіе, какъ за Елеонорой Рагозинской, такъ и за другими. Генераль—губернаторъ харьковской, черниговской и полтавской губ. тотчасъ исполнилъ это повелѣніе и разослалъ по губерніяхъ предписанія о надзорѣ. Получилъ отъ графа Орлова это свѣдѣніе и кіевскій губернаторъ И. Фундуклей. И вскорѣ же былъ арестованъ въ Липовецкомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ сестрой своей помѣщикъ Владиславъ Рагозинскій. Но оказалось, что сестру звали Леонардой, а не Элеонорой и помѣщикъ былъ освобожденъ.

Въ Декабрѣ того же года, графъ Орловъ сообщилъ тому же генераль—губернатору о болѣе обширномъ планѣ польскихъ эмигрантовъ. Приводимъ этотъ интересный документъ цѣликомъ, въ точномъ переводѣ съ французскаго языка. Этотъ планъ указываетъ на фантастическая стремленія эмигрантовъ.

«Послѣ февральскихъ событій въ Парижѣ, демократическое общество, увеличенное приверженцами Адама Чарторижскаго покинуло Францію, чтобы отправиться разными путями изъ Германіи, въ территоріи Галиціи и Познани. Событія въ великомъ герцогствѣ оттѣснили эмигрантовъ изъ территоріи Познани и Кракова и они принуждены были отступить къ Магдебургу, гдѣ новые пришельцы нашли остатки славянскаго конгресса въ Прагѣ, разогнаннаго Виндишгредемъ. Въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ всѣ эмигрировавшіе поляки, заключенные между Везеромъ и Эльбой и направляемая партіей имѣли тайныхъ предводителей: Мериславскаго ¹⁾ выпущеннаго недавно изъ прусскихъ тюремъ и живша-

¹⁾ Мериславскій, извѣстный агитаторъ во время польскихъ волненій въ Познани, въ 1846 году Въ 1861 г. стоялъ во главѣ центрального революціоннаго комитета въ Парижѣ. Исповѣдывалъ самую крайнія коммунистическія начала. Вездѣ выступалъ первымъ до минуты опасности и тотчасъ исчезалъ, если являлась опасность. Служилъ за деньги въ революціонныхъ рядахъ.

го въ Парижѣ, Гокмана, Высоцкаго, ¹⁾ бывшего полковникомъ 4 пѣхотнаго полка, обратили свои виды на Галицію. Между тѣмъ значительная часть офицеровъ артиллеріи и инженеровъ отправилась, нѣкоторые въ лагерь сербовъ подъ предводительствомъ Стратемировича, другіе во главѣ съ принцемъ Воронежскимъ въ Венгрію, гдѣ они поступили на службу въ армію Кошута. ²⁾ Поляки, бывшіе на службѣ у хорватовъ и сербовъ подъ начальствомъ Іелатича ³⁾ и Стратемировича, найдя мало симпатіи среди народовъ, большинство которыхъ было греческой религіи и подъ непосредственнымъ вліяніемъ греческаго патріарха, принуждены были вновь соединиться со своими соотечественниками въ Галиціи.

Прибытіе въ Лембергъ генераловъ Дверницкаго и Скрижинецкаго ⁴⁾ вновь оживило ихъ надежду. Рѣшили съ общаго согласія образовать обширный союзъ, въ который вошли бы всѣ отдѣлы, существующіе уже давно въ Германіи, Франціи и Италіи, основанныя на массонствѣ и издревле извѣстныя подъ именемъ карбонаризма, по польски: *Wenglaraz* (подобное товарищество существовало въ 1831 году, но только между бѣглецами поляками и имѣло во главѣ Заливскаго). По этому поводу образовалось три большихъ отдѣла польскихъ и славянскихъ. Первый въ Прагѣ (Богеміи) подъ именемъ братьевъ Чеховъ, въ который вошли всѣ отдѣлы въ Саксоніи, Силезіи, древней Пруссіи и прирейнской Пруссіи до Кельна и кромѣ того поддерживающій постоянныя сношенія со всѣми университетами Германіи, во главѣ выборнаго на короткое время... въ Прагѣ.

Второй—въ Краковѣ подъ именемъ «братьевъ Польши и Славянъ» завѣдующій дѣлами Польши, собственно королевства.

Третій—охватывающій провинціи Дуная, княжества Веллахію, Молдовію и Украину. Главное мѣстопробываніе этого отдѣла былъ Землинъ, гдѣ долженъ быть, въ скоромъ времени, поселиться, главный начальникъ Бакунинъ, который будетъ специально

¹⁾ Высоцкій (1799—1877). Подалъ сигналъ къ польскому возстанію въ 1830 г. При защитѣ Варшавы, былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ каторгу. Въ 1857 г. помилованъ.

²⁾ Кошутъ (1802—1894) былъ во главѣ возстанія Венгровъ въ 1848 г.

³⁾ Іелатичъ, банъ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, графъ, австрійскій фельдцейхмейстеръ.

⁴⁾ Скрижинецкій (1787—1860.) польскій генералъ. Былъ главнокомандующимъ польскою арміею въ польскомъ возстаніи 1830 г. По взятіи Варшавы, ему удалось пробраться за границу.

руководить пропагандой въ Россіи. Г. Бакунинъ, ¹⁾ возвращаясь изъ Праги черезъ Берлинъ, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ демократами германскими, былъ первый возымѣвшій идею карбо-наризма славянскаго и пользуясь совѣтами г.г. графа Ледоховскаго (депутата), Неголенскаго, посланнаго делегатомъ въ между народную комиссію во Франкфуртъ отъ герцогства Познанскаго... (изъ Аграма)... (изъ Бухареста), представилъ свой планъ демократическому отдѣлу въ Парижѣ, который въ лицѣ своего начальника Мериславскаго, вполне одобрилъ его. Этотъ планъ состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы вызвать возмущеніе въ провинціяхъ Волыни, Украины и Подоліи, которыя были мало охвачены ноябрьской революціей 1830 года и вотъ какимъ образомъ: провинціи, пограничныя съ Молдавіей и Валахіей, не смотря на занятіе (оккупация) русской арміей, находясь въ полномъ разгарѣ революціоннаго возбужденія, всегда готовыя протезировать полякамъ и пропускать отправлявшихся въ русскія провинціи, такъ какъ сербскій князь Александръ Кара Георгіевичъ позволялъ полякамъ селиться въ своемъ княжествѣ, въ особенности въ Землинѣ, гдѣ они были приняты съ распростертыми объятіями, какъ славяне. Г. Бакунинъ разсчитываетъ съ этой стороны завести сношенія съ Россіей и особенно предполагаетъ найти себѣ прозелитовъ (приверженцевъ изъ корпуса генерала Лидерса.

Помѣщики изъ Украины Габорскій и Головня положительно обѣщали въ условный срокъ возмутить крестьянъ этой провинціи, приводя имъ въ примѣръ уничтоженіе барщины въ Галиціи и Венгріи. Кромѣ того, чтобы подѣйствовать на руссаковъ (греческихъ крестьянъ) Таровичъ, протоіерей сербскій обѣщаетъ устроить, какъ онъ говоритъ, священный крестовый походъ на Волынь.

Г.г. Оборскій и... отправились въ Кроацію, чтобы дать пснять кроатамъ и словакамъ посредствомъ журнала „славянскій югъ“ что дальнѣйшее подчиненіе австрійскому государству и въ особенности союзъ съ Россіей, увеличатъ только несчастья славянскихъ провинцій и въ то же время на нихъ возложено образованіе ложъ во всѣхъ сосѣднихъ провинціяхъ Россіи, въ особенности въ Валахіи, въ Молдавіи и Галиціи. Г. г. Бакунинъ, Тишинскій и Бжозв-

¹⁾ Бакунинъ Мих. Александровичъ (1824†1876), Эмигрантъ—революционеръ, участвовалъ въ смутахъ въ Прагѣ, руководилъ майскимъ возстаніемъ въ Дрезденѣ, проповѣдникъ анархизма.

скій путешествуютъ вмѣстѣ въ продолженіи 4 мѣсяцевъ съ паспортами, которые имъ далъ Пульскій, бывшій статсъ-секретарь Венгріи подъ вымышленными именами, а именно: первый на имя Ифти, 2-й на имя Толочко и третій на имя Ремера. Съ этими паспортами они рассчитываютъ отправиться на свой постъ въ Землинъ, между 30 Ноября и 1 Декабря, направляясь чрезъ Триестъ, Фиуме, Аграмъ, Кроацію. Въ данное время они находятся въ Швейцаріи со многими польскими и итальянскими выходцами, гдѣ они считаютъ себя въ большей безопасности, чѣмъ во Франціи, въ которой ихъ демократическіе собраты въ количествѣ 800 человекъ, поселившіеся въ городахъ Страсбургѣ, Кольмарѣ, Гогенау находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ французской полиціи. Они пользуются настоящимъ своимъ пребываніемъ въ Швейцаріи, чтобы разсмотрѣть насущные вопросы ложъ и самыя дѣйствительныя средства для обезпеченія пропаганды. Они рассчитываютъ на печать въ Лейпцигѣ (у книгопродавцевъ Брокгауза и Авенариуса) въ видѣ молитвъ прокламаціи на всѣхъ славянскихъ языкахъ, обращенныя къ солдатамъ и крестьянамъ. Кромѣ того, будутъ выбиты медали съ эмблемами, принаровленными къ обстоятельствамъ и даже, въ случаѣ успѣха, будутъ отправлены черезъ Фиуме въ Одессу оружія, которыя будутъ запакованы различнымъ образомъ. Двѣ польскія ложи, кромѣ того, основались въ Женевѣ и Монпелье съ одной цѣлью только—распространить карбонаризмъ» ¹⁾.

Таковъ былъ планъ демократическаго общества, не исключая фантастической затѣи крестоваго похода».

Черниговскій губернаторъ особенно опасался, чтобы польскіе и другіе агитаторы не проникли бы въ раскольничьи слободы Черниговской губерніи, а ихъ было очень много. Объ этомъ онъ писалъ генераль-губернатору Кокошкину, что было въ мартѣ 1848 года.

«При настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ нельзя утвердительно отвѣчать, чтобы по близости западныхъ губерній не нашлось изъ поляковъ такихъ людей, которыя не стали искать укрывательства въ слободахъ раскольниковъ и которыя бы не захотѣли бы воспользоваться неудовольствіемъ раскольниковъ противъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ при введеніи правиль-

¹⁾ Арх. Полт. Губ. Прав. 1848 № 256.

наго священства, а не стали бы возстановлять ихъ къ произведе-
цію безпорядковъ».

При этомъ губернаторъ оговаривается, что по настоящему по-
веденію раскольниковъ не имѣлъ онъ даже малѣйшаго повода къ
настоящему его заявленію и раскольниковъ онъ считалъ вѣрными
Престолу и Отечеству и если онъ принялъ мѣры, то изъ предо-
сторожности. Губернаторъ Гессе предписалъ полиціи неослабно на-
блюдать за новыми лицами, особенно безпаспортными, появляющим-
ся въ раскольничьихъ селеніяхъ и «всматриваться въ ихъ намѣре-
нія и дѣйствія такихъ лицъ» и если будетъ замѣчено какое либо
съ ихъ стороны покушеніе къ «произведенію безпорядковъ», то
брать ихъ подъ арестъ и подъ крѣпкимъ карауломъ доставлять въ
Черниговъ. Съ цѣлью же не раздражать раскольниковъ, губерна-
торъ предписалъ прекратить вызовъ въ Черниговъ раскольниковъ
для увѣщанія, а также не сажать ихъ въ острогъ за неисполне-
ніе данной имъ подписки на принятіе правильнаго священника.

Несомнѣнно, что губернаторъ излишне опасался появленія
агитаторовъ въ раскольническихъ слободахъ, а тѣмъ болѣе вліянія
ихъ на раскольниковъ, которые, не смотря на притѣсненія, всегда
были вѣрными сынами Россіи ¹⁾).

И нѣсколько лѣтъ спустя, губернаторъ предписывалъ чинамъ
полиціи слѣдить за посторонними лицами и не допускать ихъ вол-
новать народъ ²⁾). Генераль губернаторъ С. А. Кокошкинъ, какъ
очень осторожный администраторъ, побаивался, чтобы полиція не
поусердствовала бы въ этомъ дѣлѣ да, видимо, не могъ и поло-
житья на нее, чтобы она съумѣла „всматриваться въ намѣренія и
дѣйствіе таковыхъ лицъ“ а потому писалъ губернатору:

„Сдѣланныя вами распоряженія тогда только могутъ достиг-
нуть желаемой цѣли, если будутъ выполнены съ надлежащею
осторожностью, добросовѣстностью и умѣньемъ. Почему покорнѣй-
ше прошу Ваше Пр—во обратить особое вниманіе на лицъ, ко-
имъ Вы поручили исполненіе помянутыхъ вашихъ указаній и бли-
жайшимъ образомъ наблюсти, чтобы при этомъ не было допущено
какихъ либо злоупотребленій и чтобы предложенныя Вами снисхо-
дительныя мѣры въ отношеніи раскольниковъ не были истолкова-
ны превратнымъ образомъ» ³⁾).

¹⁾ Арх. Г. Прав. 1848 № 223, св. 11.

²⁾ Арх. Г. Прав. 1854 № 660, св. 19.

³⁾ Арх. губ. Прав. 1848 № 223, св. 11.

Напрасны были безпокойства черниговскаго губернатора: агентовъ изъ поляковъ не было. Но сами обыватели, изъ желанія получить награду или по другимъ соображеніямъ, указывали администраціи на появленіе лицъ среди населенія, являвшихся, по ихъ мнѣнію, подозрительными. Такъ поступилъ отставной подполковникъ Константинъ Савичъ, проживавшій въ заштатномъ городѣ Глинскѣ, Роменскаго уѣзда. Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года онъ донесъ Полтавскому губернатору Ознобишину, что въ Роменскомъ уѣздѣ встрѣчаются люди, «которые въ заблужденіяхъ своихъ претендуютъ на правительство по разнымъ отношеніямъ и высказываютъ какія то темныя ожиданія, удовлетворительныя для ихъ видовъ». При этомъ онъ сообщаетъ, что земская полиція Глинской волости производила «осмотръ», какъ онъ выразился, проѣзжающихъ неизвѣстныхъ лицъ, и въ это время былъ взятъ подъ присмотръ нѣкто Нечай по подозрѣнію, что онъ «миссіонеръ» французскій или польскій». Этотъ проѣздъ Нечая, по сообщенію подполковника, взволновалъ умы глинскихъ обывателей и, какъ выразился онъ «оставилъ черную мысль въ заблужденіяхъ, отъ которыхъ могутъ возникнуть важныя послѣдствія». Чтобы во всемъ этому удостовѣриться, подполковникъ Савичъ писалъ, что слѣдуетъ отправиться на хуторъ помѣщика Заруднаго, гдѣ 9 мая бываетъ храмовой праздникъ, куда стекается отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ и „гдѣ сокровенные языки выскажутъ свои тайнства“. Губернаторъ Ознобинъ, получивъ эти данныя отъ Савича, поручилъ чиновнику особыхъ порученій Плансону тщательно провѣрить ихъ «секретными дѣйствіями», которыя можетъ указать благоразумная осторожность. При этомъ губернаторъ предписалъ ему не «увлекаться невѣрными и не имѣющими достаточныхъ основаній сомнѣніями, могущими относиться къ стѣсненію невинныхъ». Плансонъ, находившійся по дѣламъ службы въ Ромнахъ, отправился въ Глинскъ, къ подполковнику Савичу, у котораго и прожилъ три дня. Съ цѣлью же разузнать среди народа, что его волнуетъ и какія это онъ ожидаетъ «удовлетворительныя виды для себя» Плансонъ пригласилъ изъ Полтавы еврея Розенберга, который ему извѣстенъ былъ своею честностью, а послѣдній взялъ съ собою и товарища по торговлѣ, еврея Звенигородскаго, и ихъ—то Плансонъ и отправилъ, въ качествѣ тайныхъ агентовъ, разузнать среди народа о причинахъ волненія... Розенбергъ счелъ долгомъ прежде всего посѣтить волост-

ное правленіе, куда и явился 8 мая; здѣсь онъ засталъ только волостного писаря козака Яхна.

Что у васъ здѣсь слышно?—спрашиваетъ у Яхна Розенбергъ —Все благополучно,—отвѣчаетъ Яхно.

А у насъ хорошее и притомъ новое,—говоритъ Розенбергъ.— Въ Петербургѣ былъ бунтъ, о чемъ читалъ я въ газетахъ.

Далѣе онъ началъ распространяться о «стѣсненіи быта народа, въ особенности евреевъ».

И зачѣмъ жить у русскаго царя?—продолжалъ онъ:—лучше быть вольнымъ, чѣмъ жить подъ игомъ царя...

Какъ же это сдѣлать?—спрашиваетъ у еврея Яхно.

Да такъ, не хотимъ царя слушать,, мы сдѣлаемъ свое правительство.

При этомъ онъ добавилъ, что Кіевская губернія вся къ этому склонна, да и большая часть Малороссіи...

Послѣ этого разговора Розенбергъ ушелъ... Но другой день козакъ Яхно пригласилъ пять человѣкъ въ качествѣ свидѣтелей и помѣстивъ ихъ за перегородкой въ волостномъ правленіи, послалъ за этими евреями. Первымъ пришелъ Розенбергъ, а затѣмъ и Звенигородскій.

Козакъ Яхно теперь самъ заводитъ рѣчь и начинаетъ его спрашивать о бунтѣ. Но еврей Розенбергъ заявилъ; «говоренное нами вчера пустое». Но Яхно все таки старается его навести на тему вчерашняго разговора.

Какъ же идетъ бунтъ?..—желаетъ знать козакъ Яхно.

Ходъ хорошій,—говоритъ Розенбергъ:—не лучше ли пользоваться свободою, чѣмъ жить у русскаго царя; Кіевская губернія вся къ этому склонна и большая часть Малороссіи, кромѣ Россіи, гдѣ чѣмъ-то свободнѣе людямъ...

Яхно замѣтилъ ему, что изъ всего этого могутъ произойти дурныя послѣдствія, что народъ не будетъ на то согласенъ и свобода будетъ не больше, какъ на одинъ день...

Не бойтесь, вы вѣдь знаете, что нѣтъ ничего дороже чело- вѣку свободы, хотя на одинъ день, что въ древнія времена княжества были малыя, да свободно жили люди.

А какъ насчетъ помѣщиковъ?—спрашиваетъ Яхно.

Ихъ много согласныхъ есть...

Въ это время скрытые пять свидѣтелей ворвались въ комнату и крикнули на нихъ: «вы бунтощики, васъ въ Сибирь»...

Намъ Сибирь не страшна, — сказалъ еврей Розенбергъ, сознавая, что этого не будетъ, такъ какъ они посланы чиновникомъ особыхъ порученій, который надѣялся, что они при своей ловкости могутъ разузнать отъ народа, что онъ ждетъ отъ правительства.

Но, конечно, онъ ошибся: еврей, несомнѣнно взялись не за свое дѣло. Ихъ тутъ же въ волостномъ правленіи арестовали и обыскали. Ничего, конечно, не нашли, но ихъ привлекли все таки къ отвѣтственности. Уже самъ Плансонъ писалъ губернатору и выяснилъ, что эти еврей имъ посланы въ Глинскъ въ имѣніе Заруднаго. Дѣло это окончилось полнымъ оправданіемъ, но о немъ было доведено до свѣдѣнія министра юстиціи, доложившаго объ этомъ Государю.

Императоръ Николай I повелѣлъ сообщить губернатору, что чиновники, посылаемые для розысканія, не должны употреблять подобныхъ средствъ, а тѣмъ болѣе выбирать въ сотрудники людей, неспособныхъ къ этому, и черезъ нихъ вовлекать жителей въ «преступные разговоры». Казаку же Яхно повелѣно выдать денежное вознагражденіе, какъ «поступившему съ полною ревностью и раторностью»¹⁾?

Были приняты мѣры, чтобы въ южную Русь не проникло бы заграничное изданіе „Катехизисъ русскаго народа“. Авторомъ его былъ эмигрантъ изъ Польши Островскій. Въ Парижѣ катехизисъ былъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ въ количествѣ 3 тыс. экз. Въ этомъ произведеніи авторъ излагалъ ученіе монархической власти и указывалъ средство измѣненія существующаго правленія въ Россіи.²⁾

Этого изданія искали въ книжныхъ магазинахъ Харькова, вѣроятно, какъ болѣе культурнаго центра, но его не нашли. Запрещена была продажа портретовъ Ледрю Роллена, Распайля и др. а также и снимки солдатъ парижской гвардіи.³⁾ Портреты эти вывѣшивались въ книжныхъ магазинахъ. Генераль губернаторъ Кокошкинъ

1) Арх. губ. Правл. 1848. № 231. св. 1.

2) Арх. губ. Правл. 1850, № 425.

3) Арх. губ. Правл. 1849 № 317.

получилъ предписаніе слѣдить и не допускать къ обращенію въ народѣ сочиненія Луи—Блана—«Исторія французской революціи» и брошюры «14 Іюня». Объ этомъ Кокошкинъ получилъ увѣдомленіе отъ жандармскаго генерала Дубельта, сообщившаго при этомъ, что переданный австрійскимъ правительствомъ бѣглець изъ царства Польскаго Рембовскій показалъ, что встрѣтившійся ему за границей одинъ эмигрантъ объявилъ о доставленіи англичанами черезъ Константинополь въ Одессу 200 тыс. сочиненія Луи Блана. Вѣроятно, это была какая либо брошюра. Цѣль была распространить ихъ въ Россіи вообще и преимущественно между военными на Украинѣ и Литвѣ. ¹⁾

Русское правительство было не мало озабочено тѣмъ, чтобы эти агитаторы не волновали бы крестьянъ. среди которыхъ бывали волненія въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Правда, волненія эти не имѣли массоваго характера, они возникали то въ одномъ, то въ другомъ помѣщичьемъ имѣніи и вызывались мѣстными причинами и чаще всего виновниками ихъ были сами помѣщики или ихъ управляющіе, притѣснявшіе крестьянъ. Волненія эти были протестомъ противъ существованія крѣпостнаго права. Архивъ сохранилъ подробныя свѣдѣнія о 1847 годѣ, когда у губернскаго прокурора было 8 дѣлъ о волненіяхъ крестьянъ. Правительство было заинтересовано причинами этихъ волненій и запросило объ этомъ генераль—губернатора, какую роль въ этихъ волненіяхъ играло духовенство и не было ли причиною внѣшняя агитація. По разслѣдованію прокурора подстрекателей изъ постороннихъ не было ²⁾ Сохранились данныя о волненіяхъ крестьянъ въ Кіевской губерніи, что было не безъ участія духовенства, гдѣ и былъ агитаторъ, Юсифъ де Розенталь, выдававшій себя за студента кіевскаго университета. Это былъ молодой человекъ, 22 лѣтъ.

Во время крымской войны было составлено государственное ополченіе.

Среди помѣщичьихъ крестьянъ возникли слухи, что они призываются на царскую службу козаками. Распространенію подобнаго рода слуховъ способствовали неосторожныя дѣйствія нѣкоторыхъ священниковъ. Одинъ изъ нихъ привелъ крестьянъ къ присягѣ, а другой составилъ списки крестьянъ, изъявившихъ желаніе поступить въ козаки. А дьячекъ далъ крестьянамъ указъ Святѣйшаго

¹⁾ Арх. Г. Прав. 1850, № 420.

²⁾ Арх. губ. Правл. 1848 № 247.

синода объ ополченіи, выдавъ его за царскій указъ, отъ нихъ скрывае́мый. Крестьяне и другихъ мѣстностей добивались объявленіе скрываемаго указа. Это былъ, вѣроятно, не указъ Святѣйшаго Синода, какого на самомъ дѣлѣ не было, а какой либо изъ высочайшихъ манифестовъ.

Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне остановили свои работы. Въ это время и появился агитаторъ Розенталь. Онъ направился въ имѣніе, арендуемое его отцомъ, въ Таращанскомъ уѣздѣ. Собралъ здѣсь около 40 ч. крестьянъ, онъ читалъ имъ, какъ сказано въ официальной донесеніи «возмутительную въ высшей степени прокламацію», присланную будто бы англичанами и французами. Указывая имъ въ черныхъ краскахъ на ихъ тяжелое положеніе, обремененіе ихъ правительствомъ и помѣщиками, рекрутскими поборами, повинностями, онъ возбуждалъ крестьянъ къ поголовному возстанію для ниспроверженія законной власти, общественнаго порядка, при чемъ относительно частной собственности проповѣдывалъ «правила коммунизма». Онъ же имъ еще сообщилъ, что будто 40 студентовъ послано въ разныя мѣста для той же цѣли и что 40 сель уже готовы къ возстанію. Но въ одномъ селѣ, крестьяне отобрали у Розенталя прокламацію и представили по начальству. Розенталю удалось скрыться, но его соучастникъ, полякъ Скавронскій, служившій въ имѣніи, арендуемомъ отцомъ Розенталя, былъ арестованъ. Былъ ли Розенталь студентомъ кіевскаго университета или иностранцемъ—агитаторъ, неизвѣстно. Это были единственныя волненія крестьянъ, вызванныя не мѣстными причинами, исходившими изъ условій ихъ быта, а вызванныя внѣшней агитаціей. ¹⁾

Опасенія правительства о проникновеніи агитаторовъ въ южную Русь и возбужденія населенія, оказались напрасными. И планъ демократическаго общества, не исключая и безумной затѣи какъ крестоваго похода на Волынь, не осуществился. Что дѣйствительно было, это сборъ пожертвованій для иностранной агитаціи, чѣмъ занималась помѣщица Каменецъ—подольской губерніи Ксачѣмъ Грохольская, которая собираемыя деньги пересылала при посредствѣ одесскаго негоціанта Котынскаго. Котынскій былъ высланъ по высочайшему повелѣнію въ Харьковъ подѣ строгій поли-

1) Арх. губ. Правл. 1855 № 750, св. 21.

цейскій надзоръ, гдѣ онъ и скончался въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1855 года. ¹⁾

Объ иноземной агитаціи знали многіе. Многимъ было извѣстно, что агитаторы спокойно проживаютъ на западѣ. И вотъ находится отважный отставной подполковникъ Андреевъ, проживавшій въ г. Лубнахъ, который рѣшается предложить правительству вмѣшаться въ дѣла Западной Европы, откуда постоянно грозитъ спокойствію Россіи. Онъ пишетъ письмо харьковскому, черниговскому, и полтавскому генераль—губернатору кн. Н. А. Долгорукому, гдѣ ходатайствуетъ о вызовѣ его въ Петербургъ для объясненія «важныхъ обстоятельствъ». Этому подполковнику предложено было изложить письменно и прислать на имя генераль—тора, что онъ и сдѣлалъ 25 Мая 1849 года.

26900 «Тайны я никакой не имѣлъ, писалъ онъ, и не знаю и о таковой не писалъ. А движимый вѣрноподданническимъ чувствомъ и тѣмъ усердіемъ къ монарху, каковыми я сорокъ лѣтъ проходилъ мою службу, о готовности моей изложить собственныя мысли мои о настоящемъ положеніи дѣлъ на западѣ Европы и о дѣйствіи нарушителей законнаго порядка и безопасности вѣрными и прямымъ путемъ и тѣмъ оградить спокойствіе Россіи. Конечно, большинство голосовъ назвали бы честнаго человѣка сумазбродомъ, рѣшающаго подать свой голосъ въ семъ великомъ дѣлѣ!..

Но, Ваше Превосходительство, цѣлыя десять лѣтъ вся образованная Европа признавала—Фультона за проэктъ его о пароходахъ за помѣшаннаго сумазброда, а нынѣ всѣ моря покрыты его пароходами. Нерѣдко, великій зодчій не пренебрегаетъ совѣтомъ простаго каменщика или плотника, созидаая вѣковое зданіе. Желаніе есть порывъ усердія и патріотизма.

Австрія единственная осталась держава, удерживающая еще до времени либераловъ отъ рѣшительнаго провозглашенія не германской имперіи, чѣмъ они морочили до сего времени прусское правительство своевольной республики. Неудача въ Трансильваніи и поверхность инсургентовъ въ Венгріи произвели немедленно мятежъ въ Дрезденѣ и беспорядки въ Лейпцигѣ, Ганноверѣ, Познани и Бромбергѣ.»

Далѣе онъ рекомендуетъ правительству вмѣшательство въ дѣла западной Европы. Уже изъ этихъ данныхъ видно, какого ди-

¹⁾ Арх. губ. Правл. 1855 № 787.

пломата представлялъ изъ себя подполковникъ, рѣшившійся дать совѣты правительству и это было въ то время, когда вопросы внѣшней политики не обсуждались въ периодической печати да и населеніе никогда не было освѣдомляемо о ней. Подполковникъ Андреевъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Харьковъ и лично разъяснить свой планъ, но при этомъ жалуется на скудость средствъ, такъ какъ приговоромъ суда было приостановлено получение имъ содержанія (вѣроятно, какъ отставному пенсія). Но его попросили не беспокоиться и не пріѣзжать. Такъ и не удалось подполковнику развернуть передъ правительствомъ свой дипломатическій планъ!...

Заканчивая обзоръ данныхъ объ иноземной агитаціи, упомянемъ о братьяхъ Закревскихъ, сочувствовавшихъ провозглашенію во Франціи республики. Это было въ 1848 г. Закревскіе, богатые помѣщики Пирятинскаго уѣзда. 15 апрѣля 1848 г. они были въ гостяхъ у богатой помѣщицы Вольховской. За ужиномъ, когда подали шампанское, Михайль Алексѣевичъ Закревскій поднялъ бокаль, сказавъ: да здравствуетъ французская республика».

Его поддержалъ родной братъ и крикнулъ: ура!... Гости не поддержали этого тоста, а бывший въ гостяхъ, корнетъ Бруннетъ выразилъ негодованіе и удалился изъ дома Вольховской. Братьевъ Закревскихъ и ихъ товарища графа Сергія де Бальмена арестовали и вмѣстѣ съ найденными у нихъ бумагами, въ сопровожденіи подполковника жандармскаго Левентала отправили въ Петербургъ, къ шефу жандармовъ графу Орлову. Продержавъ нѣкоторое время въ столицѣ, ихъ возвратили на мѣста ихъ жительства и отдали подъ надзоръ полиціи ¹⁾. Такъ администрація въ то время поступала съ выходкой отставного штабъ ротмистра, выкрикнувшаго въ нетрезвомъ видѣ тостъ, что сочли даже необходимымъ отправить въ Петербургъ!...

¹⁾ Арх. Г. Правл. 1848 № 230, с. 11. О нихъ были собраны свидѣнія. Оба были отставные военные. Мих. Закревскій носилъ бороду и «на всякомъ шагѣ обнаруживалъ демократическій образъ мыслей. Мих. Закревскій былъ лугала, Графъ де Бальмень былъ женатъ на престои и въ видахъ большаго сближенія съ народами, носилъ бороду и вмѣстѣ со всѣми вышеупомянутыми Закревскими, находится въ тѣсныхъ связяхъ съ извѣстнымъ Шевченкомъ, который долго проживалъ у него и у Закревскихъ. Де Бальмень хвастался передъ многими, что къ сочиненіямъ Шевченка, между многими пасквиллями нарисовалъ будто виньетку, въ которой изобразилъ, что вооруженные малороссійскіе козаки зажгли костеръ и привели къ нему въ цѣпяхъ закованнаго генераль-губернатора кн. Долгорукаго и другаго генерала».

Среди общества того времени находилось не мало лицъ, которыя считали своимъ долгомъ идти на встрѣчу правительству въ поимки этихъ агентовъ, являвшихся съ цѣлью революціонной пропаганды въ предѣлы южной Руси. Эти лица принадлежали къ разнымъ сословіямъ. Не имѣя никакихъ данныхъ объ этой пропагандѣ, эти люди заявляютъ администраціи, что они имѣютъ открыть „важную тайну“ или „секретъ Его Императорскаго Величества“. Бывали примѣры, что нѣкоторые не желали открыть эту тайну мѣстной администраціи, а сообщали, что могутъ открыть свой секретъ только Его Императорскому Величеству. Словомъ объявляютъ старинное „слово и дѣло“. Этимъ средствомъ пользуются, въ видахъ полученія награды. Многихъ лицъ, объявлявшихъ „тайны“ отправляли въ Петербургъ, къ шефу жандармовъ, что было въ 30-хъ годахъ, по окончаніи польскаго возстанія. Впослѣдствіи, когда убѣдились, что не мало среди этихъ лицъ было плутовъ и душевно-больныхъ, то предлагали имъ объявить эти тайны въ запечатанномъ пакетѣ. Этимъ средствомъ начинаютъ пользоваться и заключенные въ тюрьмахъ. Цѣль ихъ была, хоть нѣкоторое время побыть на свободѣ, а нѣкоторые рассчитывали и побывать въ Петербургѣ и въ этомъ случаѣ, заявляли о „секретѣ до Его Императорскаго Величества“ который могли сообщить лично только Государю Императору. Но, конечно, ихъ не допускали. Дѣла такого рода встрѣчаются вскорѣ послѣ польскаго возстанія 1830 года. Позже 1855 г. дѣлъ этихъ въ архивѣ Полтавскаго Губернскаго Правленія уже не встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Черниговской Полтавской и Харьковской губерній. Интересно прослѣдить, какъ отнеслась администрація къ этимъ лицамъ, а также укажемъ нѣсколько примѣровъ объявленія этихъ „важныхъ тайнъ“.

29 марта 1841 г. нѣкто Кононовъ явился къ Черниговскому архіепископу Павлу и подалъ ему на Высочайшее имя прошеніе, гдѣ сообщаетъ о имѣющемся у него секретѣ „до жизни Его Императорскаго Величества“ при чемъ заявилъ, что этотъ секретъ онъ можетъ сообщить только Государю. Архіепископъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ черниговскому губернатору, незамедлившему тотчасъ же прибыть къ архіепископу съ цѣлью разузнать подроб-

ности. Архієпископъ сообщилъ губернатору, что при разговорѣ съ Кононовымъ, онъ не только не подавалъ сомнѣнія въ неполнотѣ разсудка, но напротивъ того, показывалъ „довольно быстрыя понятія“. Кононовъ, подавши прошеніе, въ тотъ же день выѣхалъ въ Кіевъ. Губернаторъ тогда же отправилъ во слѣдъ Кононову чиновника особыхъ порученій Малахова, на обязанность котораго было возложено доставить его въ Полтаву, къ генераль-губернатору кн. Н. А. Долгорукову.

Изъ допроса выяснилось, что Кононовъ былъ купцомъ и проживалъ въ Харьковѣ, гдѣ въ войну 1812 г. взялъ будто бы подрядъ прокормить 12 башкирскихъ конныхъ полковъ, проходившихъ черезъ Харьковскую губернію, но не получилъ всѣхъ слѣдующихъ ему денегъ отъ счетной комиссіи, завѣдывавшей этимъ дѣломъ. Подавалъ объ этомъ Кононовъ нѣсколько разъ прошенія на высочайшее имя, но, какъ говорилъ онъ, «разрѣшенія не получилъ». Далѣе, онъ сообщилъ, что отъ своего родственника, нѣкоего Малиновскаго, служившаго у польскаго помѣщика, онъ слышалъ что въ Польшѣ готовится мятежъ и, вѣроятно, Кіевъ перейдетъ къ полякамъ. Это и былъ его «секретъ». Для доказательства своего доноса, онъ захватилъ большую переписку польскихъ заговорщиковъ, за что будто бы уплатилъ тысячу рублей. Чтобы еще болѣе удостовериться въ существованіи заговора, Кононовъ отправилъ своего родственника въ Варшаву и въ польскія губерніи и собравъ еще болѣе данныхъ отправился въ Петербургъ для доклада обо всемъ этомъ Государю. По дорогѣ Кононовъ останавливается въ Орлѣ, гдѣ, какъ онъ показалъ, купилъ пару лошадей. Сюда то и прибылъ его родственникъ Малиновскій. Въ Орлѣ онъ рѣшился объявить свою «тайну» губернатору, который отправилъ его съ частнымъ приставомъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ его представили военному министру графу Чернышеву, который отослалъ его къ шефу жандармовъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, онъ отправился въ Кіевъ, онъ былъ вскорѣ былъ потребованъ въ Москву, гдѣ его должны были судить за кражу перстня у Бородаевой. Судъ оставилъ его подъ надзоромъ полиціи. Онъ и въ Москвѣ объявилъ свою «тайну» священнику, который донесъ объ этомъ властямъ и генераль-губернатору, кн. Голицынъ, не зная, вѣроятно, что онъ по этому дѣлу уже былъ въ Петербургѣ, отправилъ его къ шефу жандар-

мовъ. Пробовалъ онъ еще разъ объявить «тайну» курскому губернатору, но онъ поступилъ иначе, онъ отдалъ его подъ надзоръ полиціи, а затѣмъ отправилъ его въ Кіевъ. Здѣсь объявленіе имъ «тайны» приняло иной оборотъ. Генераль-губернаторъ Бибииковъ велѣлъ дать ему 50 р. асс. и приказалъ ему слѣдить за поляками—заговорщиками, бывшими, по его словомъ, на контрактахъ (ярмарка) въ Кіевѣ. Здѣсь открылось, что Конововъ въ Орлѣ не купилъ пару лошадей, а похитилъ. Его потребовали въ судъ, но онъ скрылся. Таковы похождения этого субъекта, человека порочнаго и въ то же время душевно-больного, идея о преслѣдованіи заговорщиковъ противъ Россіи—вотъ пунктъ его душевнаго расстройства. А между тѣмъ, о такомъ субъектѣ велась длинная переписка, производилось дознаніе, его отправляли нѣсколько разъ въ Петербургъ... Такъ въ то время администрація ужъ слышкомъ большое значеніе придавало этимъ слухамъ, доносамъ... ¹⁾

Въ этомъ отношеніи, разительнымъ примѣромъ можетъ служить донесъ Черняева въ 1831 году. Онъ былъ чиновникомъ полтавской казенной палаты, но выдавалъ себя за студента. Онъ донесъ, что въ Харьковѣ существуетъ тайное общество, злоумышляющее на царствующій домъ. Въ числѣ чиновъ этого общества, какъ показалъ Черняевъ былъ и профессоръ харьковскаго университета. Началось дѣло, розыски... Когда доложили объ этомъ Николаю I, то онъ написалъ на докладѣ: «да въ здоровомъ ли онъ въ умѣ?...» Это развязали руки администраціи, которая передала его на попеченіе врачебнаго отдѣленія, порѣшившаго, что Черняевъ донесъ въ припадкѣ умопомѣшательства. «Дальнѣйшее слѣдствіе выяснило, что это не былъ студентъ, а былъ исключенъ со службы и даже побывалъ въ острогѣ. ²⁾

Былъ случай, когда объявившій «тайну» считалъ необходимымъ сдѣлать это подъ чужой фамиліей. Это былъ Розембергъ, именовавшійся Феликсомъ Калиновскимъ. Онъ былъ преданъ суду за проживательство по чужому паспорту. При допросѣ онъ показалъ, что онъ адъюнктъ Берлинскаго университета. Предвидя, что онъ будетъ осужденъ и съ цѣлью избѣжать наказанія, онъ заявляетъ «о тайнѣ, относящейся къ Россіи и религіи., и эту тайну онъ можетъ открыть только губернатору и никому болѣе... Его

¹⁾ Арх. Г. Правл. 1841, № 9.

²⁾ Арх. губ. Правл. 1831 № 35.

потребовали въ Черниговъ, гдѣ онъ назвался уже сыномъ адъюнкта Берлинскаго университета. Когда донесли объ этомъ генераль-губернатору кн. Н. А. Долгорукову, то онъ заинтересовался этимъ адъюнктомъ и предписалъ доставить его къ нему въ Харьковъ. Здѣсь онъ заявилъ генераль-губернатору что ему извѣстны какія то неблагонамѣренныя предположенія московскаго митрополита Филарета и др. лицъ. Казалось бы этого довольно было, чтобы оставить этого самозваннаго адъюнкта въ покоѣ и посадить его въ тюрьму для отбыванія присужденнаго ему наказанія. Но нѣтъ, о немъ было донесено шефу жандармовъ, предписавшему потребовать отъ него присылки въ запечатанномъ пакетѣ о извѣстной ему «тайнѣ». Что же сообщилъ Розембергъ? Онъ написалъ, что тайна его касается злоумышленныхъ предпріятій нѣкоторыхъ лицъ въ отношеніи религіи и политики, доказываемыхъ хранящимися въ Петербургѣ подписью тѣхъ лицъ и «разными ихъ припасами». Эта послѣдняя фраза вызвала новый запросъ со стороны шефа жандармовъ. Предлагалось прислать объясненіе, что онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ, при чемъ, правда, шефъ жандармовъ предлагалъ не настаивать на этомъ и въ случаѣ отказа Роземберга дать объясненіе, оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго вниманія. Находясь въ тюрьмахъ въ Харьковѣ, онъ написалъ письмо своей сестрѣ, графини де Паули, никогда не существовавшей, доказывающее его душевную ненормальность.

«Вамъ извѣстно, писалъ онъ, что фанатизмъ моего умозрѣнія быстро стремился къ усовершенствованію начатаго мною предпріятія—оно осталось несбыточнымъ по случаю болѣзни...

При проѣздѣ черезъ благословенный край Малороссію, какъ вы знаете, что желалъ обозрѣть; ? внезапно сдѣлался узникомъ; IV столѣтіями нынѣ нахожусь въ Харьковѣ; не думайте какъ прежде, но какъ можно вообразить ожесточительнѣе, что и заставили меня писать шефу жандармовъ г. Бенкендорфу и просить о вызовѣ его въ Петербургъ etc)... Письмо его, безсвязное, безъ смысла, испещренное какими то знаками, вполне доказываетъ его душевное разстройство.

Но его допрашиваютъ, вызываютъ въ Харьковъ, пишутъ о немъ шефу жандармовъ и т. д.

Находясь въ тюремномъ замкѣ, пожелалъ видѣть харьковскаго полиціймейстера Андреева и заявилъ ему, что онъ рядовой Уланскаго Его Высочества герцога Австрійскаго Альберта полка, Иванъ

Михайловичъ Кирѣевъ, бѣжавшій съ высочайшаго смотра въ Гомель. Возможно предположить, что и эта фамилія вымышлена, такъ какъ рядовой того времени не будетъ употреблять въ письмѣ такія слова: умозрѣнія, терминъ и т. п. ¹⁾

Не мало было въ то время лицъ, осужденныхъ на заключеніе въ тюрьмахъ, которые объявляютъ «тайны». Цѣль ихъ освободиться хоть на короткое время отъ заключенія, побывать на свободѣ, а быть можетъ прокатиться въ Петербургъ. Иногда такое заявленіе о «тайнѣ» на которое администрація обращала серьезное вниманіе, имѣло для административныхъ лицъ серьезныя послѣдствія. Въ Волчанскомъ тюремномъ замкѣ отбывалъ наказаніе государственный крестьянинъ Ѳедоръ Рублевъ.

Онъ былъ осужденъ за сопротивленіе властямъ, за дерзости и брань волостнаго старшины и за участіе въ убійствѣ, въ чемъ, впрочемъ, оставленъ былъ въ сильномъ подозрѣніи. Желаніе освободиться отъ тюремнаго заключенія хотя бы на короткое время, онъ дѣлаетъ заявленіе, что ему извѣстны нѣсколько лицъ, «желающихъ нарушить спокойствіе Императорскаго дома». Онъ сообщилъ о злоупотребленіяхъ нѣсколькихъ лицъ, которымъ покровительствовавалъ харьковскій губернаторъ Мухановъ. И губернатору предписано было дать по этому поводу свое заключеніе. Губернаторъ просилъ о назначеніи ревизіи его дѣятельности. ²⁾

О военныхъ, объявлявшихъ «тайны» доносили Государю. Разжалованный юнкеръ Елисаветградскаго полка Белліотъ пожелалъ быть вызваннымъ въ Петербургъ для объясненія тайны. На предложеніе дать письменное завленіе, отказался. «Я никогда не рѣшусь, писалъ, онъ, генераль-губернатору дать письменно, такъ какъ былъ обманутъ въ довѣренности къ прочимъ и полагаю на особу Вашего Сіятельства. Его вызвали въ Харьковъ.

Онъ сообщилъ генераль-губернатору, что поручику Григорову извѣстны лица, «предпріятія которыхъ стремятся ко вреду Государя Императора». ³⁾

Императоръ Николай I, нашелъ что заявленіе этого поручика не заслуживаетъ вниманія.

Всѣ эти лица, объявлявшія «тайны» желали получить за это

¹⁾ Арх. губ. Правл. 1841, № 8, св. 4.

²⁾ Арх. губ. Правл. 1849, № 300, св. 13,

³⁾ Арх. губ. Правл. 1844, № 127.

награду, но объ этомъ рѣшительно такъ не заявляли, какъ это сдѣлала еврейка Фельга Бродская. Мужъ ея, Самуиль Бродскій содержался въ полтавскомъ тюремномъ замкѣ. Она сдѣлала заявленіе о желаніи мужа получить награду, такъ какъ имѣеть «открыть важный секретъ по важнымъ политическимъ дѣламъ». Но на это не было обращено вниманія... ¹⁾ Такого рода дѣлъ, открывающихъ яко бы «важныя тайны» въ архивѣ не мало; лица эти были или плуты, порочныя, сидѣвшіе въ тюрьмахъ или душевнобольные.

Въ практикѣ психіатрическихъ больницъ до сей поры встрѣчаются такія дѣла но сравнительно очень рѣдко, когда душевнобольные объявляютъ о «важной тайнѣ».

М. Ф. Павловскій.